МЕДИАТЕКСТ И МЕДИАДИСКУРС

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/26188422/14/4

Функционирование маркера социальной оценки в медиатексте: ретроспективный анализ (слово «негодяй» в СМИ 1993–2023 гг.)

Евгения Наумовна Басовская¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
jeni_ba@mail.ru*

Аннотация. Анализируется использование маркера социальной оценки «негодяй» в материалах ИД «Коммерсантъ» 1993, 2003, 2013, 2023 гг. Выявлены тенденции, касающиеся применения лексемы при цитировании, в несобственно-прямой и авторской речи. Выделены важнейшие тематические сферы вхождения слова. Рассмотрено функционирование негативизма в ироническом контексте, дистанцирование автора от транслируемой оценки. Отмечается, что интенсивность использования слова отражает стилистическую стабилизацию современной медиаречи.

Ключевые слова: социальная оценочность, медиатекст, негативизм, экспрессия, ирония

Для цитирования: Басовская Е. Н. Функционирование маркера социальной оценки в медиатексте: ретроспективный анализ (слово «негодяй» в СМИ 1993–2023 гг.) // Вопросы журналистики. 2023. № 14. С. 62–76. doi: 10.17223/26188422/14/4

Original article

doi: 10.17223/26188422/14/4

**Functioning of the social evaluation marker in the media text:
A retrospective analysis (the word *negodyay* in the media in 1993–2023)**

Evgenia N. Basovskaya¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
jeni_ba@mail.ru*

Abstract. The article examines special speech means characteristic of a media text – markers of social meanings, in particular, words with a negative connotation that form a negative attitude of the audience towards the objects nominated with their help. As an example of such a word, the noun *negodyay* [scoundrel] is considered. The aim of the article is to identify trends inherent in the functioning of negativism in journalistic materials of recent decades. The source of empirical material was publications of the Kommersant publishing house in 1993, 2003, 2013, and 2023. A linguistic and stylistic analysis of the texts was carried out. The author compared the semantic and stylistic characteristics of the word *negodyay* in explanatory dictionaries of the Russian language and the implementation of the semantic and pragmatic potential of the word in media texts. Based on the results of the study, the author infers that negativism can form a negative image of the subject of speech, make the style lower and more conversational, and reduce the communicative distance between the media and the audience. The blurring of stylistic boundaries and vulgarizing the language of the media was one of the distinctive features of Russian journalism in the 1990s. During this period, the noun *negodyay* was often used to refer to specific individuals and actively functioned not only in other people’s speech, but also in journalist’s speech. Subsequently, the word began to be used more often in quotations, being a newsmaker’s means of speech characterization. One of the actively used techniques was the use of the word *negodyay* as a marker of someone else’s style and alien worldview. In the 2010s, the number of microcontexts in which the ironic use of the word is recorded increased. The author of the article calls this speech move “ironic distancing” of the journalist from the object of publication. In the materials of 2023, journalistic texts contain no uses of *negodyay* in relation to real persons. This suggests that, in high-quality media, the frank journalistic expression of the 1990s was replaced by stylistic balance, emphasized by the objectivity of tone. In the conclusion, the author notes that the stylistically low, yet literary-language negativism *negodyay* is in demand in modern Russian media speech as an expressive means. It enhances the effect of “live communication”, ensures an accurate reproduction of an emotional statement, and at the same time gives the journalist the opportunity to ironically distance oneself from the position of a person whose vocabulary the given word is attributed to. The way the noun *negodyay* functions in mass

communication reveals the essential features of today's media speech, balancing on the brink of objective and subjective, literary and vulgar, serious and ironic.

Keywords: social evaluation, media text, negativism, expression, irony

For citation: Basovskaya, E. N. (2023) Functioning of the social evaluation marker in the media text: A retrospective analysis (the word *negodyay* in the media in 1993–2023). *Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies*. 14. pp. 62–76. (In Russian). doi: 10.17223/26188422/14/4

Сформулированное Г. Я. Солгаником фундаментальное положение о социальной оценочности как важнейшей характеристике публицистического текста [1. С. 313] положило начало одному из направлений современных медиаисследований. Специалистами были выявлены такие черты языка средств массовой информации, как неразрывность оценки и воздействия на общественное сознание [2. С. 40], конфликтность, обусловленная болезненной реакцией части аудитории на оценку, преподносимую в качестве «социально одобренной» [3. С. 161], а также наличие особых речевых средств, функционирующих в роли маркеров социальных смыслов [4. С. 19]. Изучение таких вербальных единиц представляется актуальным как для уточнения существующих представлений об архитектонике медиатекста, так и для обнаружения важнейших векторов его воздействия на систему ценностей аудитории.

Новизна проведенного исследования определяется тем, что, несмотря на многочисленные упоминания в научной литературе о социальной оценочности публицистического текста, в ней практически отсутствуют труды, посвященные конкретным словам и конструкциям, эксплицирующим такого рода оценку в материалах СМИ. Незначительно и число работ, нацеленных на анализ функционирования в массовой коммуникации негативизмов, которые обладают способностью формировать отрицательное отношение реципиента не только к конкретным предметам и явлениям, но и к социальной действительности в целом [5, 6].

Источником эмпирического материала для данной статьи послужили публикации издательского дома «Коммерсантъ» 1993, 2003, 2013 и 2023 г. Проводился качественный, лингвостилистический анализ текстов. Применение количественных методов было ограничено неоднородностью источниковой базы: на портале ИД за 1993 г. доступны только выпуски газеты «Коммерсантъ» и журнала «Коммерсантъ

Власть»; с течением времени к ним добавляются материалы других изданий, радиостанции «Коммерсантъ FM» и сайта.

Методом сплошной выборки были выделены микроконтексты со словом «негодяй». Данное существительное выбрано для детального рассмотрения как яркий пример эксплицитного негативизма. Коннотация лексемы фиксируется толковыми словарями русского языка (в определении эмоционально-экспрессивного компонента семантики участвуют стилистические пометы, толкование значения и иллюстративный материал):

«**НЕГОДЯЙ** (*бран.*). Подлый, низкий человек. Отыявленный негодяй» [7. Т. 2. Стб. 491];

«**НЕГОДЯЙ**. Подлый, низкий человек. *В глубине души он чувствовал уже, что он негодяй, которому должно быть совестно смотреть в глаза людям.* Л. Толстой, Воскресение. [*Лиа.*] *Какой мерзавец! Боже мой! Какой неслыханный негодяй!* А. Н. Толстой, Делец» [8].

«**НЕГОДЯЙ**. Безнравственный, подлый, низкий человек... *Бранно. – Не смей так разговаривать со мной! – крикнул он тонким, визгливым голосом. – Негодяй! Ты стал забываться!* Чех. Моя жизнь. – *Вор! Обокрал, изгадил память мертвого друга! Негодяй! Бездарный подлец!* Проскур. Черн. птицы» [9. С. 577].

В публицистическом тексте экспрессивные негативизмы решают одновременно как минимум две задачи: наряду с трансляцией отрицательной оценки предмета речи они обеспечивают общее снижение стиля, его приближение к разговорному и, следовательно, уменьшение коммуникативной дистанции между средством массовой информации и аудиторией. Процессы размывания стилевых границ и вульгаризации языка СМИ были характерны для российской журналистики 1990-х гг., что неоднократно фиксировалось в лингвистической литературе [10. С. 60–80; 11. С. 79–84 и др.].

Данный процесс убедительно иллюстрируется примерами из газеты «Коммерсантъ» **1993 г.** В этот период экспрессивный негативизм «негодяй» встречается при воспроизведении чужой речи:

«Один из депутатов обвинил органы МВД в коррупции и взяточничестве, на что ему резонно заметили, что взятки при оформлении паспортов не прочь брать и в МИДе. Постановление было принято, а зачинщику спора предложили “изложить имеющиеся данные в официальном порядке, существующем для принятия мер к таким негодяям”» (Коммерсантъ Власть, 1993. 14 июня).

Однако количественно преобладает использование слова в самом журналистском тексте. Чаще всего речь идет об отрицательных киногероях (причем обозначение «негодяй» применяется, как правило, к персонажам из криминального мира – вероятно, по аналогии с принятой в речи работников правоохранительных органов неофициальной характеристикой преступника – «злодей») [12]:

«Четвертый по счету вестерн Иствуда как режиссера отличается заметно возросшим мастерством, в лучшем смысле слова антологичностью жанровых приемов и тематических мотивов. Это рассказ о Билле Манни, бывшем “человеке вне закона”, отъявленном преступнике и *негодяе*» (Коммерсантъ. 1993. 17 июля);

«Сорванец по прозвищу Угроза бледнеет на фоне подлинного *негодяя* – сбежавшего из заключения грабителя (комиковый образ рокового носителя зла в чересчур гиперболизированной манере воплощает Кристофер Ллойд, неоднократно игравший “дьявольских созданий”»)» (Коммерсантъ. 1993. 11 дек.).

Допускается в газете «Коммерсантъ» 1993 г. и употребление слова «негодяй» в отношении реальных лиц, в том числе нарушителей закона, и в таком случае существительное вновь попадает в синонимический ряд, характерный для криминальной и правоохранительной сфер коммуникации: «Слава богу, что неподалеку от *злодея* скучал острый и твердый, как алмаз, каблук охранника. Именно он спас множество человеческих жизней, впившись *негодяю* под лопатку. Затем подошла милиция, и господин *бандит*, ненадолго задержавшись в Москве, отбыл в республику Коми» (Коммерсантъ. 1993. 25 марта).

«Негодяем» может быть назван и не одобряемый редакцией политик: «Бывший лидер бывшей группы “Союз”, полковник Алкснис, отметив, что “Жириновский – это серьезный политик”... сравнил друга “с коверным клоуном, у которого на лице маска”... Собственно говоря, комплимент Алксниса в переводе на русский язык означает, что объект похвалы – не безумный психопат, но расчетливый *негодяй*, успешно эксплуатирующий низменные инстинкты людей» (Коммерсантъ. 1993. 25 дек.).

Наконец, в отдельных высказываниях слово «негодяй» приобретает более широкий, этический смысл, становясь термином для именованного экзистенциального зла. Данной семантической трансформации способствует использование формы множественного числа: «В отечественной журналистике журналист должен отдать правому делу всю силу

страсти, заклеить *негодяев* и защитить невинных» (Комментарий отдела культуры) (Коммерсантъ. 1993. 8 окт.).

В 2003 г. в текстах изданий ИД «Коммерсантъ» количественно по-прежнему преобладает употребление слова «негодяй» по отношению к кинозлодеям (16 вхождений из 59 – 27 %). В остальных случаях негативизм встречается преимущественно в прямой речи интервьюируемых лиц, а также в цитатах, включенных в журналистский текст:

«Вон из Твери всех этих *негодяев* – от первого до последнего! А уже потом мы будем разбираться и из этих руин поднимать тверскую землю», – не без пафоса пообещал господин Зубов» (Коммерсантъ. 2003. 4 окт.);

«Это абсолютное заблуждение, что “Ленинград” – всего лишь сборище *негодяев*, хулиганов, матерщинников» (музыкант С. Шнуров) (Огонек. 2003. 28 дек.);

«Затем в прямом эфире Воронежской ГТРК первый вице-губернатор Сергей Наумов назвал чиновников мэрии “кучкой *негодяев*”» (Коммерсантъ. 2003. 5 авг.).

Одна из существенных функций экспрессивного существительного «негодяй» – речевая характеристика цитируемого лица. В частности, из нескольких публикаций 2003 г. следует, что данное слово типично для лексикона политика В. В. Жириновского:

«Столпившиеся граждане захихикали, но агрессивно настроенные представители Всетатарского общественного центра нападок главы ЛДПР не стерпели и попытались обвинить его в фиглярстве. “*Негодяй!* Скотина! Кто ты такой, чтобы мне указывать, я депутат Госдумы, а ты ничтожество!” – разозлился господин Жириновский» (Волга–Урал. 2003. 23 авг.)

В указанных ситуациях журналист и редакция в целом не несут полной ответственности за резкость оценки и расширение стилистических границ.

В 2003 г. намечается тенденция, активно развивающаяся в последующие десятилетия, – к использованию заключенного в кавычки слова «негодяй» в качестве маркера не только чужого стиля, но и чужого мировоззрения:

«В Советском Союзе... цензура старалась менять не только тексты и образы, но и саму реальность, а архивы уничтожались часто самими фотографиями из-за элементарного страха (и не нам их за это судить), без купюр не могли существовать даже самые полные ретроспективы

и собрания сочинений. Это у авторов, признанных системой, – что уж говорить о “негодях” и “отщепенцах”, покинувших страну или рискнувших сказать что-то не так: их просто вымарывали из истории» (Все о выставках. 2003. 28 июня).

Поскольку статья посвящена фотографу Льву Бородулину, в 1970-х гг. эмигрировавшему из СССР в Израиль, и имеет отчетливый апологетический характер, авторское неприятие таких ярлыков, как «негодяи» и «отщепенцы», вполне очевидно.

Есть в материалах 2003 г. и примеры применения негативизма в собственно журналистской речи. Так, о Саддаме Хусейне как о «негодяе» газета «Коммерсантъ» пишет с использованием кавычек, указывающих на неконкретизированное чужое словоупотребление, а журнал «Коммерсантъ Власть» – без кавычек:

«Не иначе как именно Санта-Клаус помог Америке поймать “негодяя” Саддама» (Коммерсантъ. 2003. 22 дек.);

«Теперь подходит очередь багдадского диктатора Саддама Хусейна. Ему предстоит ответить за всех остальных. Более конкретно, за кого именно, сказать нельзя, потому что этого не знает никто, включая самого президента Буша и членов его команды. Они так и не объяснили всему миру, зачем нужно “мочить” именно Саддама, а не какого-то другого международного негодяя, которых в мире хватает» (Коммерсантъ Власть. 2003. 15 дек.)

Интерпретация реального политика не как «преступника», а именно как «негодяя» на фоне многочисленных упоминаний в СМИ о негодях кинематографических придает его образу некоторую условность, а тексту – скрыто иронический характер.

Обнаруживаются в материалах 2003 г. и образцы откровенно иронического употребления слова:

«Но это уже российская политика. А латвийская-то где? Ах вот: какой-то чиновник запретил демонстрацию против нового закона о русских школах на такой-то площади и перенес ее в такой-то сквер. *Негодяй!*» (Огонек. 2003. 14 сент.);

«Что касается любимых дизайнером рваных оборок, то в них нет излишнего вызова. Вообще, такие оборки как правило выглядят провокационно: мол, их хозяйка буквально чудом вырвалась из лап ужасных негодяев и теперь ей срочно нужно покровительство» (Weekend. 2003. 31 окт.)

В первом примере слово «негодяй» включено в пародийную несобственно-прямую речь, посредством которой журналист саркастически оценивает контент русскоязычных латвийских газет. Во втором – плеонастическое словосочетание «ужасные негодяи» подчеркивает условность рисуемой автором картины и подчеркивает ироническое отношение к модным дизайнерским решениям.

В материалах **2013 г.** сохраняется значительное, хотя и меньшее по сравнению с предыдущим проанализированным периодом количество упоминаний в качестве «негодяев» отрицательных киноперсонажей (13 вхождений из 74 – 17,5 %).

По-прежнему многочисленны и случаи функционирования негативизма в репликах интервьюируемых лиц, цитатах и близком к тексту пересказе:

«Я уже поговорил с юристами, адвокатами. В понедельник мы подаем в суд, – сказал *господин Плющенко* по телефону. – Я буду отстаивать честь и достоинство... Такие *негодяи* не должны работать на телевидении» (Спорт. 2013. 10 февр.);

«Забрать у *негодяев* акции и отдать их этим несчастным Березнякам. За \$20 млрд там рай на земле можно было бы сделать», – *цитирует* белорусского лидера “Интерфакс”» (Мир. 2013. 11 окт.);

«Интересно, что после матча “Зенита” и “Алании” в первом круге чемпионата России тоже разгорелся судейский скандал. Тогда решающий гол петербуржцы провели, отняв мяч у соперников, которые собирались разыграть штрафной вблизи своих ворот... Тренер “Алании” Владимир Газзаев *назвал* арбитра той встречи *негодяем*» (Санкт-Петербург. 2013. 6 мая).

Включенное в чужую речь, слово «негодяй» свидетельствует о высоком эмоциональном накале той ситуации, в которой прозвучала реплика, а также характеризует говорящего как человека страстного и не сдерживающего своих чувств.

В некоторых публикациях чужая речь не воспроизводится, а имитируется: «“Почему я ненавижу Америку? – спрашивает себя наш человек и понимает: – Да потому что они, *негодяи*, живут лучше нас! Мы ненавидим Америку от бессилия. Она не разговаривает с нами на равных!”» (Огонек. 2013. 11 марта).

Здесь мы в очередной раз видим пример использования слова «негодяй» как символа чужого и чуждого публицисту сознания, узкого и агрессивного.

Говоря от имени оппонента, автор с помощью излишне резкой оценочной лексики демонстрирует «антисолидаризацию» с заявленной позицией, иронически от нее дистанцируется:

«Любопытная инициатива... штрафовать водителей за превышение средней скорости. Скажем, дорога от Москвы до Питера при соблюдении правил занимает не меньше восьми часов. Приехал быстрее – специальные системы наблюдения будут фиксировать старт и финиш – получите штраф. Так планировалось вывести на чистую воду *негодяев*, что притормаживают перед постами ГАИ и камерами, а остальное время демонстрируют неуважение к закону» (Автопилот. 2013. 3 марта).

Эффект «иронического дистанцирования», осуществляемого с помощью слова «негодяй», характерен и для материалов «Коммерсанта» 2023 г. Количество обозначений данным существительным кинозлодеев здесь незначительно возрастает в процентном выражении по сравнению с предшествующим десятилетием (8 вхождений из 42, по данным на 1 сентября 2023 г., – 19 %), причем отрицательный персонаж, маркированный таким образом, нередко упоминается в контексте насмешливой интерпретации отраженной в фильме чьей-либо точки зрения или кинематографического произведения в целом:

«У Озона они изображают практически самих себя – Мадлен и Полин, двух эмансипе, тщетно пытающихся преуспеть каждая в своей области: Мадлен мечтает о подмостках “Комеди Франсез”, Полин – о карьере адвоката. Но миром, увы, правят мужчины, сплошь мизогинны и *негодяи*» (Weekend. 2023. 16 июня);

«Любите запутанные, острые криминальные сюжеты, но не готовы снова смотреть на ожившие картины Брейгеля? Тогда вас ждет огромный мир турецкого телеконтента, в котором все всегда сделано красиво и даже самые отъявленные *негодяи* имеют модельную внешность» (Weekend. 2023. 28 июля).

По отношению к реальным лицам ярлык «негодяй» неоднократно встречается в цитатах, становясь одним из элементов речевой и, соответственно, психологической характеристики говорящего – он производит впечатление человека резкого, категоричного и не вполне уравновешенного:

«Основатель ЧВК “Вагнер” Евгений Пригожин заявил, что его юристы проверят все тексты издания “Фонтанка”, чтобы найти повод “засадить *кучку негодяев* на десять лет”» (Общество. 2023. 25 марта);

«Мы не можем добиться взаимодействия с различными структурами, начиная от Министерства обороны и других, для того, чтобы дальше развивать свою работу на территории Африки», – заявляет господин Пригожин. Бизнесмен пообещал эти препятствия преодолеть и “еще тысячу раз на похоронах этих *негодяев* потанцевать, прежде чем оставим свою идею освобождения африканского континента от западных захватчиков”» (Мир. 2023. 7 апр.).

Достаточно высокая частотность слова «негодяй» в материалах ИД «Коммерсантъ» 2023 г. связана с тиражированием и активным обсуждением в СМИ высказывания председателя Государственной думы РФ В. В. Володина.

«Уехавшие *негодяи* живут безбедно благодаря нашей стране. Находясь за границей, сдают в аренду недвижимость, продолжают получать гонорары за счет российских граждан. При этом позволяют себе публично лить грязь на Россию. Чувствуют свою безнаказанность, полагая, что правосудию до них не дотянуться», – написал господин Володин у себя в Telegram-канале» (Политика. 2023. 13 янв.).

Резкое выражение спикера ГД многократно воспроизводилось и комментировалось на радио «Коммерсантъ FM» и на сайте издательского дома:

«По его /В. В. Володина/ словам, “уехавшие *негодяи*” чувствуют свою безнаказанность, полагая, что правосудию до них не дотянуться. В связи с этим он предложил дополнить ряд статей УК пунктом о конфискации имущества» (Последние новости о военной операции на Украине. 2023. 17 янв.);

«В середине января спикер Госдумы Вячеслав Володин предложил конфисковать имущество у “уехавших *негодяев*”» (Политика. 2023. 6 февр.);

«И если еще несколько месяцев назад власти активно говорили о финансовых наказаниях для покинувших страну после начала военного конфликта с Украиной, а спикер Вячеслав Володин называл их не иначе как *негодьями*, то нынче диспозиция заметно изменилась» (Радио «Ъ FM». 2023. 19 июня).

Следует отметить свойственный изданиям «Коммерсанта» подчеркнуто объективный тон при обсуждении острых политических вопросов. Используемые в двух первых примерах кавычки являются эмоционально нейтральным показателем чужой речи. При этом ярлык «уехавшие негодяи» не применяется ни одним из авторов или

приглашенных экспертов без отсылок к высказыванию В. В. Володина, т.е. солидаризация с позицией политика журналистами не декларируется.

В других цитатах слово «негодяй» традиционно служит маркером криминала и прочего социального зла, а также непримиримого, чрезвычайно эмоционального отношения говорящего к подобным фактам:

«Популярный ресторан “Горожане”, который находится в центре Екатеринбурга на ул. Добролюбова, 6 сегодня ночью ограбили. “Ночью трое негодяев разбили окно, украли телефоны и кассу. Окно мы уже заделали”», – указано в социальных сетях заведения» (Урал. 2023. 4 янв.);

«Последние годы мы боролись с арестами по поводу и без. Многих это держало в сильном напряжении, потому что права на ошибку не давали совсем. Не всегда же прямо все законченные негодяи, которые сидят и думают, как избежать платежей, обмануть страну. Во многих случаях это была неправильно выстроенная финансовая, налоговая политика» (Вице-президент Торгово-промышленной палаты Елена Дыбова) (Коммерсант FM. 2023. 5 апр.).

На фоне продолжающейся в 2023 г. специальной военной операции в публикациях СМИ закономерно возросло количество употреблений слова «негодяй» для обозначения военных и – шире – политических противников. Поскольку для высказываний на военно-политическую тему характерны резкое размежевание и предельно резкая риторика, слово «негодяй» включается в синонимические ряды, усиливающие его экспрессию:

«Тремя часами позднее Вячеслав Гладков записал видеосообщение... “Увидел обращение *подлецов, негодяев, убийц и фашистов*, которые якобы хотят встретиться со мной... На самом деле зашли с диверсионно-разведывательной группой. Идет бой сейчас в Новой Таволжанке. Я надеюсь, что они все будут уничтожены. По-другому не может быть по определению”» (Черноземье. 2023. 5 июня);

«Никто не сможет обеспечить безопасность российских спортсменов, а это самое главное. Сейчас всякие *мерзавцы и негодяи* только и ждут, как сделать что-то такое, чтобы потом организаторы сказали: “ой, извините”. Поэтому делегации ехать не надо. Отдельные спортсмены – это их личное дело и будет на их совести. Но и запрещать не надо» (Олимпийский чемпион по биатлону Дмитрий Васильев) (Коммерсант FM. 2023. 29 марта).

Что же касается собственно журналистского текста (кроме публикаций о кинематографе), то такая оценка, как «негодяй», по отношению к конкретным лицам здесь не встречается. Есть лишь однократное упоминание «негодяев» в обобщенном значении – как воплощения социально-исторического зла (причем речь идет о событиях 30-летней давности):

«Харизматиков, героев и *негодяев* вокруг хватало, а это был просто человек, который родился, вырос, учился и работал в Москве, и в трудные бурные времена не спрятался, не потерял головы, а пожал плечами и принялся за выпавшую ему работу, отличную от той, к которой привык...» (Некрологи. 2023. 29 авг.)

Таким образом, к началу 2020-х гг. постсоветский журналистский дискурс претерпел значительную трансформацию, проявившуюся, в частности, в использовании слова «негодяй»: откровенная публицистическая экспрессия 1990-х сменилась стилистической взвешенностью, подчеркнутой объективностью тона. При этом сохранились коммуникационные сферы, в которых экспрессивный негативизм остается востребованным: область цитирования (в том числе цитирования характеризующего), несобственно-прямая речь, авторский журналистский текст о литературе и искусстве, в особенности о кинематографе.

Слово «негодяй» стилистически и тематически универсально: в русском лексиконе оно пребывает на границе литературного языка и грубовато-экспрессивного просторечия, может характеризовать кинематографического, театрального и литературного персонажа и реального человека, политика мирового масштаба и мелкого хулигана. Обладает оно и своего рода «семантическим универсализмом»: в зависимости от контекста реализует способность как демонстрировать крайне неприязненное отношение самого говорящего/пишущего к предмету речи, так и иронизировать в адрес тех, кто испытывает сильные негативные эмоции. Изученный материал позволяет утверждать, что второй тип использования слова «негодяй» – в качестве маркера чужого и чуждого – в большей степени характерен для публикаций 2010–2020-х гг.

В силу перечисленных качеств существительное «негодяй» тяготеет в медиатексте к позиции внутри цитаты и несобственно-прямой речи. В таких микроконтекстах негативизм усиливает эффект «живого общения», точного воспроизведения эмоционального высказывания, при этом давая журналисту возможность иронически дистанцироваться от позиции того лица, лексику которого приписывается

данное слово. Это свойство слова «негодяй» позволяет ему оставаться востребованным современной медиаречью, также балансирующей на грани объективного и субъективного, литературного и вульгарного, серьезного и иронического.

Список источников

1. Солганик Г. Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука, 2003. С. 312–315.
2. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М. : МедиаМир, 2008. 248 с.
3. Чернышова Т. В. Типологические признаки медиатекстов с псевдосоциальной оценочностью // Филология и человек. 2013. № 3. С. 161–174.
4. Молодыхенко Е. Н. Идентичность, стиль и стилизация: социолингвистическая перспектива // Terra Linguistica. 2022. Т. 13, № 2. С. 11–29.
5. Басовская Е. Н. Прагматика мерзкого: дистрибуция негативизмов в современном медиатексте // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 7. С. 123–131.
6. Сидоров В. А. Коммуникативные агрессии и негативные концепты пропаганды // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 66. С. 318–331.
7. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 2. М. : Гос. изд-во иностр. и национал. словарей, 1938. 1040 стб.
8. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
9. Большой академический словарь русского языка / [ред. : Л. И. Балахонова]. Т. 11. М. : Наука; СПб. : Наука, 2008. 632 с.
10. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М. : Педагогика-Пресс, 1994. 247 с.
11. Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М. : Языки русской культуры, 1996. 480 с.
12. Лумбунова В. В. Профессиональные жаргонизмы в речи юриста: жулик и злодей // Культура народов в социальном пространстве и времени : сб. материалов межвуз. студ. науч.-практ. конф. Иркутск : Восточно-Сибирский ин-т Министерства внутр. дел Российской Федерации, 2017. С. 9–13.

References

1. Solganik, G.Ya. (2003) Publitsisticheskiy stil' [Journalistic style]. In: Kozhina, M.N. (ed.) *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 312–315.

2. Klushina, N.I. (2008) *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of journalistic text]. Moscow: MediaMir.
3. Chernyshova, T.V. (2013) Tipologicheskie priznaki mediatekstov s psevdosotsial'noy otsenochnost'yu [Typological features of media texts with pseudo-social evaluation]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 161–174.
4. Molodychenko, E.N. (2022) Identichnost', stil' i stilizatsiya: sotsiolingvisticheskaya perspektiva [Identity, style and stylization: a sociolinguistic perspective]. *Terra Linguistica*. 13 (2). pp. 11–29.
5. Basovskaya, E.N. (2017) Pragmatika merzkogo: distributsiya negativizmov v sovremennom mediatekste [Pragmatics of the vile: distribution of negativisms in modern media text]. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie*. 7. pp. 123–131.
6. Sidorov, V.A. (2020) Communicative aggressions and negative concepts of propaganda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 66. pp. 318–331. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/66/18
7. Ushakov, D.N. (ed.) (1938) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Vol. 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.
8. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. 4th ed. Moscow: Rus. yaz.; Poligrafresursy. [Online] Available from: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>
9. Balakhonova, L.I. (ed.) (2008) *Bol'shoy akademicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Large Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Nauka; St. Petersburg: Nauka.
10. Kostomarov, V.G. (1994) *Yazykovoy vkus epokhi* [Linguistic taste of the era]. Moscow: Pedagogika-Press.
11. Zemsкая, E.A. (ed.) (1996) *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late twentieth century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
12. Lumbunova, V. V. (2017) [Professional jargon in the speech of a lawyer: swindler and villain]. *Kul'tura narodov v sotsial'nom prostranstve i vremeni* [Culture of peoples in social space and time]. Conference Proceedings. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 9–13. (In Russian).

Информация об авторе:

Басовская Е. Н. – д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой медиаречи Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: jeni_ba@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E. N. Basovskaya, Dr. Sci. (Philology), professor, head of the department, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: jeni_ba@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2023;
одобрена после рецензирования 17.11.2023; принята к публикации 21.12.2023.*

*The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 17.11.2023; accepted for publication 21.12.2023.*